

Искусство наизнанку. Графомания становится нормой

Один из самых популярных российских беллетристов
Алексей Иванов

В России в минувшем году книг было выпущено меньше, чем годом ранее, почти на 20%. Общий тираж сократился на 83,7 млн. экземпляров.

Не сильно улучшилась ситуация и сегодня. Тиражи лауреатов «Большой книги» и «Национального бестселлера» упали. Мало того, внутри литературного сообщества разгорелась дискуссия: ту ли литературу и тех ли авторов впаривают читателям «кузницы» бестселлеров? Не голые ли короли и королевы заполонили длинные и короткие премиальные списки?

Предпринимаемый на литературных сайтах текстовый анализ их произведений, честно говоря, шокирует. Вот как, к примеру, пишет номинированная на «Нацбест» Ширин Шафиева («Не спи под инжировым деревом»): «Он выйдет из выставочного зала, сохранив свою девичью честь». А вот другая номинантка, Инга Кузнецова («Изнанка»): «Горло скрипит, словно туда насыпали сухих мертвецов». Невольно возникает вопрос – кто выдвигает на премии таких авторов? Какое отношение имеют эти люди к литературе, пусть и массовой?

Тут как раз подоспели подозрения в плагиате, бросившие тень на таких литераторов, как Алексей Иванов («Тобол») и Гузель Яхина («Эшелон на Самарканд»). Похоже, российская литература вступила в период битвы критериев, причем не только в текстах, но и в их восприятии обществом. Молчаливое читающее большинство отшатнулось от масс-фикшен. Однако оседлавшие книгоиздание менеджеры, спонсоры, распределители тиражей и премий не сдаются: плевать, что тиражи падают, вы все равно будете читать всех, кого мы назначим!

В доцифровые эпохи литература выступала в качестве связующего звена между властью и народом. Это подразумевало определенное единство нации, возможность обсуждения обозначенных писателями проблем. Когда единства нет (одним все, другим – прожиточный минимум), писательское сообщество раскалывается на тех, кто в своих произведениях отрицает и ненавидит существующий порядок вещей, и тех, кто его волей-неволей обслуживает. Этим, собственно, и объясняются мнимые парадоксы издательской и премиальной политики. Симпатии официальных кураторов не на стороне отрицателей.

Сложившаяся ситуация устраивает и капитанов книжной отрасли. Если писатель чем-то недоволен, говорят они, пусть отправляется в сеть и самостоятельно выставляет свои писания.

Идея обвенчать литературу с цифрой претворяется в жизнь. Книжные магазины и впрямь скоро станут лишними, а владельцы издательств (странным образом сплошь миллионеры да миллиардеры) приспособятся собирать деньги с охотников размещать рекламу на публикующих тексты сайтах. Так им даже будет проще.

Но спасет ли цифровой формат писателя, книгу и литературу? В советское время идеологию книжного дела определяла власть. В постсоветское – рынок и прибыль. Скоро, похоже, ее будет определять цифра, которая все отчетливее превращается во власть,

идеологию, рынок и прибыль.

Ну а какие планки уже сейчас ставит перед писателями новый формат, можно судить по интеллектуальному уровню дискуссий и числу подписчиков у сетевых звезд. В этой аудитории серьезному писателю мало что светит. Настоящая литература – дело талантливых одиночек. Сеть – регулятор, задающий стандарты успеха в сформированной ею среде. То, что прежде считалось графоманией, изнанкой, отходами литературного процесса, становится его мейнстримом. Именно на этой «красной черте» должен разрешиться конфликт литературы как искусства и – новой реальности, изживающей книгу. Кто победит в этой борьбе, мы скоро увидим.

Юрий Козлов